

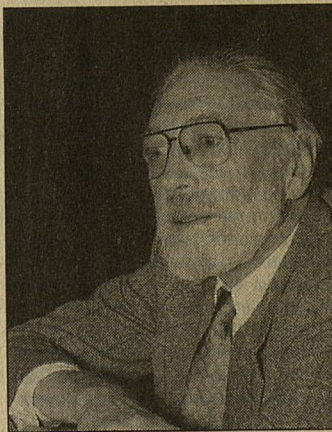
Крылатые ладьи Одиссея

Маю Митуричу – восемьдесят лет. Звучит так же странно и невозможно, как если бы кто-то стал утверждать, что весенний месяц май – суровый и холодный конец года...

То, что Май Петрович Митурич молод душой – не дежурный юбилейный комплимент. Возраст художника – в его работах, а работы Мая Митурича последних лет настолько молоды, новы, обращены в будущее, как мало у кого из художников, втрое его моложе. В его «японском» цикле встает воочию счастливое будущее искусства, когда духовные культуры разных народов смогут обогащать друг друга, не сливаясь во внеэтнический «масскульт», всеобщий и ничей. Представшие несколько лет назад на выставке в Музее Востока тончайшие, изысканно красивые рисунки к хайку – трехстишиям Мацуо Басё, врисованные в свитки, где иероглифы японского письма начертаны прославленным японским мастером каллиграфии Рюсэки Моримото, – поразительное единение «душ» двух народов, при котором каждая «душа» только ярче выявляет себя.

Его совсем недавно показанный зрителям цикл «По мотивам Петра Митурича 1918–1922 годов», вольные импровизации на темы графики и объемных графических композиций П. Митурича к поэзии Велимира Хлебникова, ни в коем случае не «ремейк», не повторение открытий великих «авангардистов» начала XX века, но их новое обретение, подлинное «воскрешение». Май Митурич взглянул на мир с той же непредвзятой новизной, с какой смотрели они – наши деды и отцы, и мир предстал в его холстах необычным, увиденным по-иному, свежее, причудливее... Художник никуда от себя не ушел, только чуть-чуть более, чем в других, хорошо известных своих работах, отдался видениям и воспоминаниям, которые нельзя обнажать слишком прямо и буквально.

Он весь здесь, знакомый и новый, – в ритмах и изысканных сочетаниях серо-черно-бирюзового цвета композиции, где гирлянда словно бы вырезанных из бумаги стрел несет стайкой японских бумажных журавликов, отбрасывая на серый холст изящные черные тени; в причудливых черных полукружиях и острых зелено-голубых спиральях, на наших глазах превращающихся в плетение ветвей, в тигровую и леопардовую шкуру – отзвук кипплинговского «Маугли», только что вновь и блестяще проиллюстрированного Маем. «Абстракции» оборачиваются поэтической

М. Митуричу – 80

и удивительно живой реальностью.

На протяжении своей достаточно долгой жизни Май Митурич не изменил себе ни в чем. В работах 2000-х годов все то же типично «маево» звучание цвета, та же сказочность, то же детское лукавство, что и 50 лет назад, тот же его удивительно светлый, любимый всеми, кому доводится с ним общаться, неповторимый человеческий облик. Кажется, что сам XX век, измученный собственным прагматизмом и жестокостью, сберег для себя в творчестве Мая Митурича частицу радости и доброты. Высятся в незбылемом безмолвии вечности, сияют в лучах восходящего солнца древние Гималайские горы, мудрые и таинственные, как сама Индия... Серебрится кружевом иней на тонких ветвях подмосковного леса, клонятся головки скромных лесных цветов в букете на столе, причудливой резьбой колеблются на холсте листья жасмина... Проступает сквозь туман веков прекрасное детство Эллады, встают гористые очертания берегов греческих островов, белеет нетронутой чистотой прибрежный песок, и крылатые ладьи Одиссея растворяются в манящих просторах южных морей...

В то время, когда десятки молодых по паспорту художников с отчаянием разбитых параличом древних старцев видят перед собой в крошечной тьме только разложение, уродство и неумолимо приближающуюся смерть, восьмидесятилетний Май смотрит на божий мир ясными, широко распахнутыми глазами и запечатлевает в своих работах его непреходящую красоту, неподвластную гибели, не имеющую времени...

Мария ЧЕГОДАЕВА
Фото ИТАР-ТАСС

Каллиграфия – 2005 – Япония – 99